

10. Петелин Б.В. Германская политика канцлера Гельмута Коля 1982-1990 гг. Научное издание. – Вологда, 2004. – 304 с.
11. Петелин Б.В. «Документ Португалова» о позиции советского руководства по германскому вопросу 21 ноября 1989 г. // Вопросы истории. – 2005. – №10. – С. 3-9.
12. Петелин Б.В. Германская политика Конрада Аденауэра 1949-1966: Научное издание. – Вологда: Книжное наследие, 2006. – 192 с.
13. Петелин Б.В. Гельмут Коль: быть немцем. Страницы биографии. – СПб: Владимир Даль, 2021. – 399 с.
14. Советская политика в отношении Германии, 1944-1954. Документы. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. – 751 с.
15. Тегеран. Ялта. Потсдам. Сборник документов. – М.: Международные отношения, 1971. – 416 с.
16. Терехов В.П. Холодный блеск фортуны. – М.: изд-во МГИМО(У), 2012. – 432 с.
17. Уткин А.И. Измена генсека. Бегство из Европы. – М.: Эксмо/Алгоритм, 2009. – 256 с.
18. Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства» Политические воспоминания. – М.: Республика: Современник, 1999. – 463 с.
19. Фалин В.М. Конфликты в Кремле. Сумерки богов по-русски. – «Секретная папка»- М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – 394 с.
20. Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941-1990. М.: Наука, 2009. – 333 с.
21. Черняев А. Объединение Германии. Политические механизмы и психологические стереотипы // Свободная мысль. – 1997. – № 8. – 25-34.
22. Шеварнадзе Э. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания / Пер. с нем. – М.: Издательство «Европа», 2009. – 428 с.
23. Wilke M. Die Berliner Mauer – das Symbol deutscher Teilung // Die Politische Meinung, Juli-August 2011. – S. 5–12.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В 1920-е гг.

Д.В. Родин, г. Москва (Российская Федерация)

В рамках представленной статьи прослеживается влияние геополитического фактора на динамику советско-германских отношений на протяжении 1920-х гг. Продемонстрировано, что геополитический аспект, суть которого состояла в совместном противостоянии Москвы и Берлина «диктату Версаля» и сдерживании великодержавных претензий Польши в Восточной Европе, способствовал оформлению «курса Рапалло», служившего основой для развития советско-германского партнерства в указанные годы. В то же время сближение Германии с западными державами в рамках «локарнского процесса» вело к постепенному выхолащиванию «духа Рапалло», следствием чего стало определенное похолодание в отношениях СССР и Веймарской республики к началу 1930-х гг.

Ключевые слова: международные отношения, Версальская система, СССР, Германия, Рапальский договор, Берлинский договор, локарнский процесс.

На протяжении 1920-х гг. одним из основных внешнеполитических партнеров сперва Советской России, а затем СССР выступала Веймарская республика, в отношениях с которой с 1922 г. основополагающим являлся «курс Рапалло». Данный курс подразумевал достаточно тесное экономическое, военно-техническое и политическое взаимодействие двух держав, однако если первым двум аспектам в историографии уделяется достаточно много внимания [1; 5; 16; 22; 50; 56; 57], то политический, а точнее, геополитический аспект их взаимодействия, несмотря на его важность, оказывается как будто в тени первых двух. Данная статья преследует цель продемонстрировать важность данного аспекта в советско-германских отношениях в 1920-е гг. и выделить основные линии взаимодействия двух держав в сфере геополитических устремлений.

Завершение Первой мировой войны и Ноябрьская революция 1918 г. подвели черту под «брестским» периодом в отношениях РСФСР и Второго рейха, который характеризовался стремлением правящих кругов Берлина и союзной ему Вены к «закреплению и закабалению оккупированных территорий Польши, Прибалтики, Белоруссии, Украины, Крыма, Румынии, а также экономическому и политическому закабалению Советской России» [9, с. 291]. Попытка оформления германской гегемонии в Восточной Европе в рамках «Брестского порядка» оказалась безуспешной в первую очередь вследствие перенапряжения сил Второго рейха и допущенных его руководством политических ошибок, главной из которых стала недооценка «приоритетности для местных элит именно внутривнутриполитического противостояния на оккупированных территориях» [17, с. 701–702]. В то время как национальные элиты Восточной Европы в первую очередь опасались распространения большевизма как новой формы доминирования России, германское руководство было убеждено, что по сравнению с мировым конфликтом все прочие глубоко второстепенны, из-за чего не уделяло достаточно внимания вопросам сотрудничества с националистическими движениями оккупированных территорий, предпочитая выстраивать стабильные отношения с большевистской Россией, что должно было стать гарантией спокойствия на восточных границах рейха.

В результате поражение Германии на Западном фронте привело к стремительному обрушению ее власти в Восточной Европе, поскольку «германское влияние в Украине и на границах России не успело пустить корни» [19, с. 416]. Однако и большевикам, 13 ноября 1918 г. денонсировавшим Брестский мирный договор, не удалось закрепиться в районах, которые оставляли германские войска. Несмотря на проведенное зимой 1918–1919 гг. наступление, уже в течение следующих двух лет советское правительство, занятое борьбой с Белым движением и искавшее поддержки на бывших окраинах империи, было вынуждено отвести войска из Прибалтики, а неудачи в конфликтах с Финляндией и Польшей вынудили Москву пойти на территориальные уступки, оформленные Тартуским и Рижским мирными договорами 1920–1921 гг. Появление между Германией и Советской Россией стран-лимитрофов, добившихся

международного признания, означало формирование нового порядка в Восточной Европе, который, будучи важной составляющей системы международных отношений, сложившейся по итогам Первой мировой войны, дал основания некоторым исследователям говорить о Версальско-Рижском порядке в межвоенной Европе [36, с. 76].

Вместе с тем следует отметить, что само по себе завершение мировой войны и начало Ноябрьской революции в Германии привело, скорее, не к улучшению, а к временному ухудшению отношений между Берлином и Москвой. 5 ноября 1918 г. под предлогом финансирования большевиками германской революции правительство Максимилиана Баденского заявило о разрыве дипломатических отношений с РСФСР и о высылке советского посольства из Берлина. Пришедший к власти в результате революции Совет народных уполномоченных во главе с Ф. Эбертом также негативно оценивал перспективы взаимодействия с Советской Россией, что было связано как с опасениями перед распространяемой в стране большевистской пропагандой, так и с давлением со стороны Антанты, которая, как вспоминал Шейдеман, была готова предложить Германии «подходящие условия мира» и снабдить ее продовольствием лишь при условии, что «в Германии нет большевизма» [37, с. 229–230]. Равным образом и первый министр иностранных дел Веймарской республики У. фон Брокдорф-Ранцау весной 1919 г. выступал против возобновления дипломатических отношений с Москвой ввиду усиливавшейся пропаганды большевиков и позиции держав-победительниц, называвших советское правительство своим общим врагом [45].

Однако одновременно с противостоянием большевизму правительство Шейдемана было заинтересовано в сдерживании Польши, возродившейся по итогам мировой войны и заявлявшей о претензиях на германские провинции Западная Пруссия, Позен и Силезия. Ряд польских политиков, например, Р. Дмовский, представлявший Вторую Речь Посполитую на Парижской конференции, рассматривали Германию в качестве «главного противника Польши и препятствия к осуществлению ее амбиций» [55, р. 12], что не оставалось незамеченным для германской общественности, открыто называвшей польские требования «абсолютно чрезмерными» [53, S. 6]. О необходимости в равной степени сдерживать большевиков (в том числе путем переговоров с Антантой) и «всячески препятствовать польским притязаниям на территорию Германии и вообще укреплению Польши» говорил, в частности, генерал-квартирмейстер В. Грёнер [48, S. 109].

Заключение Версальского мирного договора 28 июня 1919 г., поставившее Веймарскую республику и РСФСР в положение парий на международной арене, способствовало разочарованию германской элиты в курсе на сотрудничество с лагерем победителей в мировой войне и обозначило сближение между Берлином и Москвой. В немалой степени этому способствовали успехи Красной Армии на фронтах Гражданской войны, служившие, с точки зрения германского Генерального штаба, доказательством жизнеспособности большевистского режима [48, S. 139–140].

Представители НСДПГ уже в августе 1919 г. высказывались за восстановление экономических связей с Россией, считая, что это позволит «покончить с существующим ныне промежуточным положением полувойны – полумира и подготовить общее политическое соглашение между Германией и Россией с участием Польши и Литвы» [47]. Однако летом 1919 г. правительство Г. Бауэра еще не было готово к столь радикальному шагу и предпочитало продолжать наблюдение за ситуацией на востоке.

Реализация постановлений Версальского договора, означавшая в том числе радикальное сокращение рейхсвера, способствовала развитию симпатий к Советской России среди военной элиты Германии. Сближение с Москвой рассматривалось как неперемное условие восстановления германских позиций в Европе. Так, генерал-полковник Г. фон Сект, назначенный в 1919 г. начальником войскового управления, накануне советско-польской войны говорил, что только «в тесном союзе с Великобританией у Германии есть перспектива вновь обрести положение великой державы» [5, с. 39]. Аналогичные взгляды распространялись и среди политиков. Министр иностранных дел В. Симонс, выступая в рейхстаге в июле 1920 г., настаивал на соблюдении строгого нейтралитета Веймарской республики в советско-польском конфликте, что означало в том числе отказ от провоза через германскую территорию каких-либо вооружений из стран Антанты на помощь Польше. В то же время он заявлял: «Мы не намерены обращаться с Советской республикой, как с изгоем, лишь потому, что нам не нравятся ее методы управления; мы сами вдоволь пострадали от обращения как с парией, чтобы позволить другим страдать от подобного отношения» [48, S. 238–239].

В Москве в связи с началом советско-польской войны также по-новому взглянули на перспективы сотрудничества с Германией. Если в 1919 г. уполномоченный НКВД и НКВТ в Берлине В.Л. Копп писал о Польше как о «барьере между Германией и Россией» и как о «согревательном компрессе», приложенном к Германии с Востока [2, с. 357], то в июле 1920 г., докладывая наркому иностранных дел Г.В. Чичерину о своих переговорах с Симонсом, он с оптимизмом оценивал возможности советско-германского сближения в случае победы Красной Армии над Польшей. Следствием этой победы должна была стать «перемена польской ориентации: из построенного Антантой барьера между Россией и Германией Польша должна превратиться в связывающий их мост» [48, S. 230]. О важности сокрушения Второй Речи Посполитой для установления прямой связи между Москвой и Берлином говорил и председатель СНК РСФСР В.И. Ленин, в своем выступлении на IX партийной конференции назвавший Польшу «буфером между Россией и Германией» и «опорой всего Версальского договора» [29, с. 63].

Поражение Москвы в советско-польской войне и территориальные уступки по Рижскому мирному договору 1921 г. еще больше укрепили убежденность советского правительства в необходимости развития связей с Веймарской республикой, также видевшей в Польше одного из

ключевых геополитических противников. Для этого предполагалось использовать в том числе польско-литовские противоречия из-за Виленской области: полпред РСФСР в Ковно С.И. Аралов предлагал в мае 1921 г. не препятствовать возможным совместным литовско-германским действиям против Польши и снабжению Литвы германским оружием [27, с. 77]. Перспектива подобного сотрудничества между Ковно и Берлином объяснялась тем, что в мае – июле 1921 г. бушевало Третье силезское восстание, представлявшее собой, по справедливому замечанию специалиста по истории Польши Г.Ф. Матвеева, «первое крупное нарушение Францией и Польшей Версальского договора 1919 г., заметно укрепившее среди немцев чувство допущенной в отношении них несправедливости, а также настроения реваншизма» [21, с. 129–130].

Урегулирование последствий данного восстания на конференции послан Антанты в Париже в октябре 1921 г., где было решено передать часть Верхней Силезии Польше, а также определение окончательной суммы германских репараций, озвученной в Лондонском ультиматуме от 5 мая 1921 г., привели к всплеску симпатий в отношении Советской России среди германских политических, промышленных и военных кругов, недовольных диктатом Антанты и уступчивостью правительства Й. Вирта. Таким образом, уже осенью 1922 г. в Германии начало оформляться «рапалльское лобби», выступавшее за сближение с Москвой [51, р. 93]. К этому времени и в советском руководстве окончательно созрела мысль о подписании с Германией отдельного соглашения, способного воспрепятствовать «появлению блока немцев, англичан и французов с целью эксплуатации России», за что, как знали в Москве, выступали некоторые германские промышленники, например, Г. Стиннес [48, S. 418].

Для подготовки советско-германского политического соглашения о восстановлении дипломатических отношений в январе – феврале 1922 г., накануне Генуэзской конференции, К.Б. Радек и Н.Н. Крестинский провели переговоры в Берлине. В инструкциях представителей РСФСР одним из «козырей» советского правительства была названа «возможность военной силой сокрушить Польшу», а в рамках потенциального договора предполагалось заключить оборонительное соглашение против Варшавы, по отношению к которой оба правительства должны были бы «находиться в постоянном обмене мнениями и информацией» [33, с. 36–37]. О важности польского вопроса говорит тот факт, что при упоминании Польши участвовавший в берлинских переговорах фон Сект «потерял самообладание» и заявил: «Она должна быть раздавлена, и она будет раздавлена, как только Россия и Германия усилятся» [5, с. 61]. Равным образом и канцлер Й. Вирт в 1922 г. неоднократно требовал разгрома Второй Речи Посполитой и восстановления за ее счет германо-российской границы [26, с. 243].

Переговоры в Берлине обозначили первую фазу советско-германских переговоров, второй же их фазой стали переговоры уже в рамках Генуэзской конференции, итогом которых стало подписание Рапалльского договора 16 апреля 1922 г. Данный договор, по словам известного

политолога Г. Киссинджера, стал возможным ввиду того, что победители в мировой войне «подвергли остракизму две крупнейшие континентальные державы посредством создания пояса слабых, враждебных друг другу государств, а также посредством расчленения как Германии, так и Советского Союза» [14, с. 262]. Тем самым Москву и Берлин подтолкнули к сотрудничеству на антиверсальской основе, что стало серьезным вызовом для только что сформированной Версальской системы.

Чичерин считал, что этот договор обозначил приоритет германского направления в советской внешней политике и закончил «триумф победителей» в мировой войне, положив начало «появлению новых международных политических сил» [10, с. 5]. Схожим образом оценивали соглашение в Берлине. Более того, во время переговоров в Генуе канцлер Й. Вирт высказался за «восстановление границ образца 1914 года» [25, с. 97], тем самым еще раз подчеркнув, что речь идет не только об экономическом и военно-техническом сотрудничестве, но и о согласованной политике двух держав в отношении стран-лимитрофов, зажатых между Германией и Советской Россией. В этом отношении симптоматичными следует назвать следующие слова депутата Национального собрания Чехословакии от «Союза сельских хозяев» Ф. Шпина: «Германо-русское соглашение создало в Европе германо-славянскую сферу интересов» [35, с. 11].

Немаловажно, что за месяц до заключения Рапалльского договора Польша, Латвия, Эстония и Финляндия заключили так называемый «Варшавский аккорд», предусматривавший взаимную поддержку стран-участниц соглашения в случае нападения на одну из них. Данный договор мог быть направлен как против Советской России, так и против Германии, что, в свою очередь, вызвало опасения как в Берлине, усматривавшем в этом происки французской дипломатии [38, S. 34], так и в Москве, где постарались противопоставить попытке создания польско-балтийского блока (неудачной ввиду провала ратификации «Варшавского аккорда» парламентом Финляндии) итоги Рижского совещания 29–30 марта 1922 г., которые сумели «поколебать единый фронт прибалтийских государств и притупить антисоветское острие решений Варшавской конференции» [13, с. 166]. В этом отношении Рапалльское соглашение являлось продолжением решений Рижского совещания и было призвано укрепить взаимодействие Советской России и Веймарской республики в деле противостояния польским попыткам установить в той или иной форме протекторат над прибалтийскими государствами.

Поступательное развитие советско-германских отношений временно приостановилось в связи с Рурским кризисом 1923 г. и ролью Коминтерна в подготовке «Красного октября» в Тюрингии и Саксонии. В это время председатель ИККИ Г.Е. Зиновьев писал генеральному секретарю ЦК РКП(б) И.В. Сталину: «Близко время громадных событий в Гер[мании]. Близко время, когда нам придется принимать решения всем[ирно]-историч[еской] важности» [29, с. 159]. Однако провал коммунистических выступлений привел к резкому похолоданию в отношениях Москвы и

Берлина. Чичерин сообщал Зиновьеву о «решительных протестах против подстрекательства немецких коммунистов русскими коммунистами» [23, с. 233], а Сталина извещал о царившей на Вильгельмштрассе «сильнейшей нервозности и тревоге по поводу нашей нынешней германской политики» [23, с. 236]. Лишь уменьшение влияния Л.Д. Троцкого, К.Б. Радека и их сторонников в Коминтерне после XIII партийной конференции в январе 1924 г. позволило руководству НКВД СССР нормализовать отношения с Веймарской республикой. В немалой степени нормализации способствовало и понимание германскими политиками важности сохранения дружественных отношений с Москвой с геополитической точки зрения: они прислушались к предупреждениям Брокдорфа-Ранцау, бывшего с 1922 по 1928 гг. послом в СССР, что разрывом или охлаждением в советско-германских отношениях могут воспользоваться страны Антанты, и в первую очередь Франция, для того, чтобы изолировать и ослабить Веймарскую республику [39, S. 454].

Дальнейший диалог двух держав, несмотря на обозначившееся после Лондонской конференции 1924 г. и принятия плана Дауэса сближение Германии с западными странами, выявил близость позиций Москвы и Берлина по ряду ключевых вопросов, касающихся границ в Восточной Европе: Мемельскому, Виленскому и Галицийскому. Так, например, статс-секретарь МИД Германии А. Мальцан в сентябре 1924 г. сообщал германскому поверенному в делах в Москве О. Радовицу: «В восточногалицийском вопросе немецкие и русские интересы близки друг другу» [12, с. 203]. На основе идей Мальцана уже в декабре 1924 г. Брокдорф-Ранцау предлагал Чичерину координировать действия двух держав с целью «оттеснения Польши в ее этнографические границы» [40, S. 641]. Советский нарком, в свою очередь, считал, что «обмен мыслей с Германией должен касаться не только отношений к Польше, но и к Англии и всей вообще международной политики обоих государств», и предлагал заключить между СССР и Германией более широкое политическое соглашение с обязательством сторон не вступать в блоки, соглашения и комбинации с третьими державами, направленные против другой договаривающейся стороны [28, с. 57]. Тем самым советская сторона настаивала на углублении сотрудничества двух держав, имея в виду согласованные действия в отношении как стран-лимитрофов, так и великих европейских держав.

Однако в Берлине к заключению подобного договора не были готовы. Более того, в 1925 г. в полной мере проявилась политика лавирования Германии между Востоком и Западом, осуществляемая министром иностранных дел Веймарской республики Г. Штресеманом. В январе 1925 г. им было озвучено предложение о заключении гарантийного пакта для Западной Европы, что положило начало подготовке Локарнской конференции [18, с. 7]. Ее решения, оформленные в виде Локарнских соглашений, противопоставлялись советско-германскому сотрудничеству «в духе Рапалло» и были призваны ослабить связи Германии с СССР, переориентировав Берлин на более тесное сотрудничество с Лондоном и Парижем.

Так, в частности, рассуждал британский посол в Берлине Э.В. д'Абернон, считавший, что важным следствием пакта станет то, что «с Германией будут обращаться на равных, как с партнером Франции и Англии в деле сохранения положения, сложившегося в Западной Европе. Таким образом, угроза ее вовлечения в орбиту коммунистической России будет уменьшена» [44, р. 184]. Равным образом советский полпред в Лондоне Х.Г. Раковский с самого начала переговоров между Германией и западными державами отмечал, что «по объективному ходу событий» подготавливаемый пакт мог означать изоляцию Советского Союза, «ликвидацию даже тех слабых перспектив сближения с Германией, которые открывал Рапалльский договор, и начало новой ориентации всей европейской политики» [32, л. 31].

Это прекрасно понимал и Штресеман, который, со своей стороны, не желал терять рычаг давления на страны Запада и возможность «шантажировать» их угрозой советско-германского сближения. Еще на стадии переговоров он заверял советского полпреда в Берлине Крестинского, что членство в Лиге Наций не может «иметь ничего общего с каким-либо политическим фронтом против России», и пообещал проработать формулировку, которая позволила бы Германии избежать участия в возможных антисоветских санкциях [59, S. 97]. Такая формулировка действительно была найдена. На конференции в Локарно Штресеман сделал следующую оговорку по поводу 16-й статьи Устава Лиги Наций: Германия, ввиду ее недостаточного вооружения по условиям Версальского мира, должна сама определять степень своего участия в санкциях Лиги [20, с. 467–473]. Уже после Локарнской конференции И.М. Майский, на тот момент сотрудник советского полпредства в Лондоне, сообщал, что в ходе конференции Штресеман категорически заявлял, что «Германия не позволит использовать ее в качестве орудия против СССР» [7, л. 113].

Тем не менее в Москве начавшийся «локарнский процесс» вызвал негативную реакцию, т.к. в нем видели попытку отрыва Веймарской республики от Советского Союза – несмотря на то, что еще в июле 1925 г. Разведуправление Штаба РККА признавало, что без существенного пересмотра Версальского договора «Германия даже при вхождении в Лигу Наций и подписании гарантийного договора вряд ли займет враждебную позицию по отношению к СССР» [4, с. 201]. Зиновьев в связи с итогами Локарнской конференции писал, что «английский империализм готовит международную империалистическую коалицию против СССР, готовит изоляцию Союза» [11, с. 2]. Сталин, выступая с отчетом о международном положении на XIV съезде ВКП(б) 18 декабря 1925 г., также указал на антисоветский характер Локарнских соглашений: «Английские консерваторы думают и “статус-кво” сохранить против Германии, и использовать Германию против Советского Союза» [34, с. 274].

К подобным оценкам советскую власть подталкивал тот факт, что международные гарантии западной границы Веймарской республики были даны без оформления аналогичных гарантий в отношении ее восточных границ, а вступление Германии в Лигу Наций, к которой советское

правительство относилось крайне негативно, означало, с точки зрения Москвы, попытку западных стран склонить Германию к отказу от «курса Рапалло» в отношениях с СССР и убедить ее примкнуть к антисоветскому лагерю. Соответственно, советской дипломатии предстояло разработать и заключить с Берлином договор, способный нивелировать потенциальные угрозы со стороны Локарнских соглашений. Равным образом ведущий сотрудник Восточного отдела МИД Германии Г. фон Дирксен утверждал, что Германия должна предложить Москве «некий политический эквивалент Локарнского договора с тем, чтобы восстановить равновесие между Востоком и Западом», а «Рапальский договор следовало омолодить» [6, с. 81].

Основой для подобного договора могла стать обоюдная заинтересованность двух держав в ослаблении польского влияния в Восточной Европе и в отрыве от Варшавы других стран-лимитрофов. В отношении последних Штреземан совместно с фон Дирксеном выступал за «отрыв трех окраинных государств (Литвы, Латвии, Эстонии) от Польши и последующее уменьшение нагрузки на восточную границу Германии» [41, S. 712]. Добиться этого можно было лишь при сотрудничестве с Советским Союзом, например, в виде совместных гарантий Германии и СССР прибалтийским республикам, в чем германский посол в Риге А. Кёстер видел «самое подходящее средство для срыва франко-польской дипломатии на Балтике» [51, р. 152]. При этом вследствие подготовки Локарнской конференции германская дипломатия не могла проводить линию, открыто враждебную Польше, и подталкивала к активным действиям СССР, что исследователь П. Боровски описал следующим образом: «К чему не была готова сама Германия, то должен был сделать Советский Союз» [46, S. 159-160]. Примером подталкивания последнего к более активным действиям можно считать деятельность сотрудника немецкого посольства в Риге Г. Риссера, который с начала 1925 г. убеждал советского полпреда А.Г. Гамбарова, что создание союза Эстонии, Латвии и Литвы, обособленного от Польши, «нужно, несомненно, приветствовать и поддерживать» [15, л. 48].

Однако советские дипломаты прямо заявляли своим германским коллегам, что «для России союз окраинных государств в любом виде является нежелательным» [49]. Взамен советская дипломатия с конца 1925 г. приступила к политике нейтрализации периметра советских границ на основе двусторонних соглашений с соседними странами, первым из которых стал советско-турецкий договор от 17 декабря 1925 г. Как отмечали впоследствии специалисты Королевского института международных отношений, крупного британского аналитического центра, заключение данного договора обеспечило Москве «не только крайне необходимый дипломатический успех, на который он мог указать в качестве ответного удара по триумфу “капиталистических” держав в Локарно, но и новую основу, на которой должна была основываться преимущество советской внешней политики» [58, р. 5].

Для усиления давления на германскую сторону Советский Союз приступил к переговорам с Польшей о заключении пакта о ненападении, однако ход данных переговоров выявил существенную разницу в подходах

двух стран к проблеме безопасности в Восточной Европе: если Москва выступала за подписание отдельных договоров о ненападении с западными соседями, то Варшава пыталась претворить в жизнь «Восточное Локарно» на основе многостороннего пакта о ненападении, в рамках которого Вторая Речь Посполитая выступала бы в роли протектора прибалтийских республик и, как отмечали германские дипломаты, могла «теснее привязать прибалтийские государства к Польше» [42, S. 178]. Тем не менее сам факт переговоров между СССР и Польшей в сочетании с провалом попытки германской делегации добиться приема в Лигу Наций на мартовской сессии Ассамблеи Лиги в 1926 г. стимулировали начало переговоров о политическом соглашении между Москвой и Берлином.

Результатом данных переговоров стал Берлинский договор о дружбе и нейтралитете от 24 апреля 1926 г., при подготовке которого, как отмечал историк Дж. Корбел, обе стороны разыгрывали «польскую карту», а его заключение приветствовали в Москве и Берлине в том числе потому, что он подтверждал изоляцию Польши [52, р. 197]. С одной стороны, этот договор частично нейтрализовал эффект от Локарнских соглашений, поскольку подтвердил отказ Германии вступать в блоки, союзы и комбинации, направленные против СССР. С другой, данный договор советская сторона использовала как образец при обсуждении аналогичных соглашений с Польшей, Финляндией и прибалтийскими республиками, причем усилия дипломатов СССР неизменно пользовались поддержкой их коллег из Германии. Так, после заключения советско-литовского договора о взаимном ненападении и нейтралитете от 28 сентября 1926 г. глава Восточного отдела МИД Веймарской республики Э. Вальрот заявил, что этот договор «по выражаемым в нем тенденциям» полностью соответствовал целям немецкой политики [43, S. 301].

Между тем с конца 1926 г. в германской внешней политике обозначилось усиление прозападного курса, что было отмечено заместителем председателя РВС СССР и заместителем наркома по военным и морским делам СССР И.С. Уншлихтом, писавшим на основе агентурных материалов, что «Штреземан фактически базируется в своей политике на Англии», а в отношении СССР проводит линию «использования Москвы для германских целей» [23, с. 968–979]. Действительно, в 1927–1928 гг. германская дипломатия неоднократно блокировалась с британской для сопротивления попыткам Польши реализовать проект «Восточного Локарно», например, на VII сессии Ассамблеи Лиги Наций в сентябре 1927 г. [30, с. 108–116] или в ходе визита польского министра иностранных дел А. Залеского в Брюссель и Париж в июне 1928 г. [31, с. 285–287] Равным образом германская дипломатия сотрудничала с Парижем и Лондоном в деле урегулирования польско-литовского конфликта, несмотря на то, что Чичерин через Брокдорфа-Ранцау требовал от Берлина выступить совместно по данному вопросу, предупреждая, что аннексия Литвы Второй Речью Посполитой «настолько укрепила бы положение Польши, что развязало бы ей руки, и повела бы к самым неблагоприятным последствиям и для СССР, и для Германии» [24, с. 109].

Определенный крен в сторону Запада объяснялся не только готовностью британской дипломатии содействовать Германии по вопросам сохранения статус-кво в Восточной Европе, но и тем, что с осени 1927 г. прервались советско-польские переговоры о пакте о ненападении, вследствие чего Москва лишилась довольно действенного инструмента давления на Берлин. Заменой ему могли бы стать переговоры между СССР и Францией, однако в указанные годы они практически не сдвинулись с мертвой точки.

В то же время германское правительство по-прежнему оставалось верным своей политике лавирования между Востоком и Западом. Так, после разрыва дипломатических отношений между СССР и Англией в мае 1927 г. канцлер В. Маркс заверял Чичерина, что «в англо-советской борьбе Германия должна оставаться нейтральной и ни в коем случае не должна присоединяться к Англии» [24, с. 61]. На Женевской конференции 14–16 июня 1927 г. Штреземан не поддержал предложение главы Форин офиса О. Чемберлена о совместной декларации против деятельности Коминтерна. Уже после конференции германский министр, выступая в рейхстаге по поводу англо-советского конфликта, подчеркивал свое стремление дистанцироваться от конфликта и уберечь Германию от охлаждения отношений с любой из двух конфликтующих сторон. Вместе с тем он выступал за «включение Советской России в международное сообщество» и за сохранение с нею политических и деловых связей [54].

Тем не менее к концу 1920-х гг. в советско-германских отношениях вновь обозначилось похолодание: хотя Веймарская республика оставалась важнейшим торговым партнером СССР, внутривосточная обстановка в Стране Советов – свертывание НЭПа, ухудшение положения советских немцев, первые репрессии, затрагивавшие в том числе немецких специалистов, – вызывала негативную реакцию в Берлине. Дирксен в беседах с временным поверенным в делах в СССР в Германии С.И. Братман-Бродовским объяснял это в первую очередь разочарованием немецких деловых кругов в советском рынке, а Шахтинское дело 1928 г. называл «каплей, переполнившей чашу» [8, с. 282]. В то же время Москву все больше раздражало стремление Берлина, как выражался полпред СССР во Франции В.С. Довгалецкий, «сидеть между двумя стульями», сохраняя приверженность «локарнским тенденциям» – и одновременно стремясь «сохранить свою львиную долю на советском рынке, отпугнув от него конкурентов или создав с ними альянс под своей ферулой, чтобы продолжать свое внедрение на советском рынке на худших для нас условиях» [8, с. 393].

Ухудшение советско-германских отношений вело обе стороны к поиску новых партнеров, следствием чего в начале 1930-х гг. стал поворот СССР к сотрудничеству с Францией, что стимулировало заключение пактов о ненападении с Эстонией, Латвией, Финляндией и Польшей. В то же время германское руководство продолжало курс на сближение с западными державами и решение с их помощью ключевых внешнеполитических проблем, в частности, репарационного вопроса, который был в очередной раз пересмотрен по итогам Гаагской конференции 1929–1930 гг. Несмотря на это, в

1931 г. был продлен и Берлинский договор, однако его ратификация состоялась лишь в 1933 г. – когда к власти в Германии пришли нацисты и в советско-германских отношениях обозначился новый этап, характеризовавшийся сворачиванием связей между двумя государствами.

Подводя итоги, отметим, что в динамике отношений СССР и Веймарской республики геополитический аспект играл достаточно важную роль. Он проявлялся прежде всего на двух направлениях: восточноевропейском, где позиции Москвы и Берлина оказывались достаточно близки, и западноевропейском, где обе стороны преследовали единую цель подрыва версальских постановлений. Таким образом, геополитические устремления двух держав способствовали формированию и поддержанию «курса Рапалло», являвшегося основой их взаимоотношений.

Вместе с тем политика лавирования и «мирной ревизии» Версальских постановлений, являвшаяся, по меткому замечанию историка В.П. Газина, «целью и смыслом деятельности» Штреземана [3, с. 16–17], бывшего министром иностранных дел Германии с 1924 по 1929 гг., подталкивала Веймарскую республику к дрейфу в сторону западных демократий, что неизбежно оказывало негативный эффект на двусторонние отношения Москвы и Берлина. С точки зрения последнего, Советский Союз все больше превращался в партнера «по расчету», чьи интересы учитывались лишь в той степени, в какой это позволяло германской дипломатии оказывать давление на Лондон и Париж с целью ослабления «пут Версаля». Как следствие, «дух Рапалло», основанный на доверительных отношениях между СССР и Германией, постепенно выхолащивался, и уже к началу 1930-х гг. сотрудничество между двумя державами осуществлялось, скорее, по инерции, нежели в силу осознанного выбора Кремля и Вильгельмштрассе.

Источники и литература

1. Ахтамзян, А.А. Профили рапальской дипломатии: очерки. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – 285 с.
2. Война, революция, мир. Россия в международных отношениях. 1915–1925. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – 491 с.
3. Газин, В.П. Локарно и проблема «мирной ревизии» Версальского договора в 1925–1927 гг. // Политика великих держав в Центральной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. – Свердловск: УрГУ, 1989. – С. 16-26.
4. Глазами разведки. СССР и Европа. 1919–1938 годы: сборник документов из российских архивов. – М.: Историческая литература (ИстЛит), 2015. – 601 с.
5. Горлов, С.А. Совершенно секретно: Альянс Москва — Берлин, 1920–1933 гг.: Военно-политические отношения СССР — Германия. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 349 с.
6. Дирксен, Г. фон. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 444 с.
7. Дневник Майского № 15. От 24-го ноября по 5-ое декабря 1925 г. // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 04. Оп. 4. П. 33. Д. 456. Л. 111-114.
8. Документы внешней политики СССР. Т. XI. – М.: Политиздат, 1966. – 792 с.

9. «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, 1871–1918 гг. – М.: Наука, 1977. – 317 с.
10. Дух Рапалло: Советско-германские отношения. 1925–1933. – Екатеринбург, Москва: Научно-просветительский центр «Университет», 1997. – 286 с.
11. Зиновьев, Г.Е. Наше международное положение // Известия. – 1925. – 18 октября. – С. 2.
12. Зубачевский, В.А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. – 278 с.
13. История дипломатии. Т. 3: Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919–1939 гг.). – М., Л.: Государственное издательство политической литературы, 1945. – 883 с.
14. Киссинджер, Г. Дипломатия. – М.: Издательство АСТ. – 2018. – 896 с.
15. Копия из приложения к докладу тов. Гамбарова к тов. Аралову. От 4/I-1925 г. // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0135. Оп. 8. П. 113. Д. 17. Л. 47–48.
16. Космач, В.А. От Компьена до Рапалло и оккупации Рура. Внешняя политика Веймарской Германии после Первой мировой войны (1918–1923 гг.): страницы истории. – Псков: Изд-во Псковского государственного университета, 2017. – 551 с.
17. Ланник, Л.В. Брестская система международных отношений как пространство германской гегемонии в Восточной Европе в 1918 г. Дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 2021. – 764 с.
18. Лашкевич, Г.Н., Штейн, Б.Е. Локарнские соглашения: перевод с официального текста. – М.: Литиздат НКВД (Наркоминдела), 1925. – 39 с.
19. Ливен, Д. Навстречу огню. Империя, война и конец царской России. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 430 с.
20. Локарнская конференция 1925 г. Документы. – М.: Госполитиздат, 1959. – 512 с.
21. Матвеев, Г.Ф. Как делалось Силезское восстание в 1921 г. // Casus belli в международных отношениях XIX–XX вв.: дипломатия, идеология, военные приготовления. – СПб.: Алетейя, 2023. – С. 108–130.
22. Молодяков, В.Э. Россия и Германия: Дух Рапалло (1919–1932). – М.: Просвещение, 2009. – 174 с.
23. Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941: сб. док.: в 3 т. Т. 1: 1920–1926. – М.: Наука, 2011. – 1030 с.
24. Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941: сб. док.: в 3 т. Т. 2: 1927–1932. – М.: Наука, 2011. – 754 с.
25. Павлов, Н.В. История внешней политики Германии. От Бисмарка до Меркель. – М.: Междунар. отношения, 2012. – 797 с.
26. Павлов, Н.В. Россия и Германия: несостоявшийся альянс (история с продолжением). – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – 557 с.
27. Павлова, М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – 171 с.
28. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 398 с.
29. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 960 с.
30. Родин, Д.В. Дискуссия вокруг польского проекта «Восточного Локарно» на VIII сессии Ассамблеи Лиги Наций (сентябрь 1927 г.) // Вестник Брянского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 108–116.

31. Родин, Д.В. Проекты «новых Локарно» в англо-германских отношениях во второй половине 1920-х годов. Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2021. – 367 с.
32. Секретно. Париж, 5-го апреля 1925 года. Замнаркоминделу т. М.М. Литвинову. Г. Москва // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 04. Оп. 4. П. 32. Д. 451. Л. 31.
33. Случ, С.З. Германия и СССР в 1918–1939 годах: мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). – М.: Гея, 1995. – С. 26-94.
34. Сталин, И.В. Сочинения. Т. 7. – М.: Госполитиздат, 1952. – 423 с.
35. Станков, Н.Н. Рапалльский договор 1922 года и Чехословакия // Славяноведение. – 2006. – № 3. – С. 3-15.
36. Треугольник Москва – Варшава – Берлин. Очерки истории советско-польско-германских отношений в 1918–1939 гг. – СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2011. – 218 с.
37. Шейдеман, Ф. Крушение Германской империи. Воспоминания первого канцлера Веймарской республики о распаде великой державы. 1914–1922 гг. – М.: Центрполиграф, 2022. – 255 с.
38. Akten zur deutschen auswärtigen Politik: 1918 bis 1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. VI: 1. März bis 31. Dezember 1922. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. – LVIII, 665 S.
39. Akten zur deutschen auswärtigen Politik: 1918 bis 1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. IX: 16. November 1923 bis 6. April 1924. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1991. – LV, 710 S.
40. Akten zur deutschen auswärtigen Politik: 1918 bis 1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. XI: 5. August bis 31. Dezember 1924. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. – LVII, 738 S.
41. Akten zur deutschen auswärtigen Politik: 1918 bis 1945. Ser. A: 1918–1925. Bd. XII: 1. Januar bis 25. April 1925. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1994. – LXI, 788 S.
42. Akten zur deutschen auswärtigen Politik: 1918 bis 1945. Ser. B: 1925–1933. Bd. II,1: Dezember 1925 bis Juni 1926: Deutschlands Beziehungen zur Sowjet-Union, zu Polen, Danzig und den baltischen Staaten. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1967. – XLVIII, 543 S.
43. Akten zur deutschen auswärtigen Politik: 1918 bis 1945. Ser. B: 1925–1933. Bd. II,2: Juni bis Dezember 1926: Deutschlands Beziehungen zur Sowjet-Union, zu Polen, Danzig und den baltischen Staaten. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1967. – XLII, 555 S.
44. An Ambassador of Peace. Lord D'Abernon's Diary. Vol. III. – London: Hodder and Stoughton, 1930. – X, 317 p.
45. [Beziehungen zur Sowjetregierung]. Kabinettsitzung vom 22. April 1919, 11 Uhr // Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. Das Kabinett Scheidemann (1919). Bd. 1. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/0000/sch/sch1p/kap1_2/kap2_53/para3_1.html (дата обращения: 10.05.2023).
46. Borowsky, P. Schlaglichter historischer Forschung. Studien zur deutschen Geschichte im 19. und 20. Jahrhundert. – Hamburg: Hamburg University Press, 2005. – 331 S.
47. Der Reichswirtschaftsminister an den Reichsministerpräsidenten. Weimar, 2. August 1919 // Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. Das Kabinett Bauer (1919/1920). Bd. 1. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/0000/bau/bau1p/kap1_2/para2_39.html?highlight=true&search=Russland&stemming=true&pnd=&start=&end=&field=all#highlightedTerm (дата обращения: 10.05.2023).
48. Deutsch-sowjetische Beziehungen von den Verhandlungen in Brest-Litowsk bis zum Abschluss des Rapallovertrages. Bd. 2: 1919–1922. – Berlin: Staatsverlag der Deutschen Demokratischen Republik, 1971. – XXXII, 716 S.

49. Estnisch-russische Beziehungen. Von W. Frank. Reval, den 10. Juli 1925 // The National Archives. GFM 33/2349/5462/66/E373567-373570.
50. Haigh, R.H. German-Soviet Relations in the Weimar Era: Friendship from Necessity. – Totowa, N.J.: Barnes & Noble, 1985. – VIII, 206 p.
51. Hiden, J. The Baltic States and Weimar Ostpolitik. – Cambridge: Universal Press, 1987. – XI, 276 p.
52. Korbel, J. Poland between East and West: Soviet and German Diplomacy toward Poland, 1919–1933. – Princeton: Princeton University Press, 1963. – 336 p.
53. Preußische Landesversammlung // Beilage zur «Freiheit». Berliner Organ der Unabhängigen Sozialdemokratie Deutschlands. – 1919. – 26. März. – S. 5-6.
54. Reichstagsprotokolle, 1924/28,10. 326. Sitzung. Donnerstag den 23. Juni 1927. 11001–11003. [Электронный ресурс]. URL: http://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt2_w3_bsb00000077_00998.html (дата обращения: 10.05.2023).
55. Riekhoff, H. von. German-Polish Relations, 1918–1933. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1971. – XIV, 421 p.
56. Rosenfeld, G. Sowjetrussland und Deutschland, 1917–1922. – Köln: Pahl-Rugenstein, 1984. – XI, 407 S.
57. Rosenfeld, G. Sowjetrussland und Deutschland, 1922–1933. – Köln: Pahl-Rugenstein, 1984. – 514 S.
58. The U.S.S.R. System of Neutrality and Non-Aggression // Bulletin of International News. New Series. – 1928. – Vol. 4. – № 25. – P. 3-13.
59. Walsdorff, M. Westorientierung und Ostpolitik. Stresemanns Rußlandpolitik in der Locarno-Ära. – Bremen: Schünemann, 1971. – 326 S.

ДИСКУССИЯ ПО ВОПРОСАМ «ИМПЕРСКОЙ РЕФОРМЫ» В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ (1933–1934)

О.Г. Субботин, г. Минск (Республика Беларусь)

Период национал-социалистической революции в Германии сопровождался дискуссией на тему «имперской реформы», нацеленной на реорганизацию государства сообразно представлениям НСДАП о его функциях и мессианстве. В сущности, она следовала в русле общественно-политических дебатов периода Веймарской республики, тесно связанных с попытками модернизации федеративных отношений – преодоления диспропорций в территориальной организации рейха, ведомственного партикуляризма и негативных проявлений «пруско-германского дуализма».

Ключевые слова: Третий рейх, Пруссия, немецкие земли, имперская реформа, федерализм, унификация, централизация.

Приход к власти НСДАП в 1933 г. существенно ускорил начатый при канцлере Франце фон Папене процесс ликвидации исторически сложившихся связей между централизмом, федерализмом и регионализмом. Ни одна эпоха в истории Германии, по словам немецкого исследователя Хорста Мёллера, не была «столь антифедералистской, как национал-